

Г. М. ПРОХОРОВ

Иоанн Кантакузин. Диалог с иудеем

Слово третье *

(Славянский XIV века и современный переводы)

НА ИУДЕЕ СЛОВО ТРЕТИЕ

Ц а р ь: Буди камень на земли притячное, о Ксеню, моле. Обаче оно *л. 210 об.* тебѣ вѣдѣти дльжно есть, яко еже о естеству Троице слово не якоже от всѣх чловѣкъ никто же, нъ ни же херувимъ и серафимъ вѣдетъ вьсма. Бога бо, зѣло прѣмудръ рече нѣкто, разумѣти убо неудобно, сказати же немощно. Ел//ма же обѣщахсе еже о вьчловѣчении Сына Божия слово, поелику *л. 211* мощно ми есть, вѣдати тебе, егда о ономъ слово въ срѣду приведу, тогда и о божеств'ном Духу мощнаа тебѣ побесѣдую. Много бо о сѣмъ есть слово и неудобъ сказаемо, множае же и вьсма несказанно. О Отци бо убо много-испытателно убо будетъ воспоминаѣти: аще бо и не по правому слову, Бога обаче сего исповѣдуете.

К с е н ь: Ино нѣкое зде паки, о цару, належе недоумѣние и мала не възвращаетсе. Еже бо ниня и прѣжде рѣх: едва нѣгде кто или вас самѣхъ езычьскы живущихъ, или нѣкого отъ всѣхъ иного, якоже достоятъ, речеть, Бога почитати, аще не Авраама, и Исаака, и Иакова нас дѣти, Моусеовѣхъ ученикъ и Закону хранителе.

Ц а р ь: И сѣ, Ксеню, съ инѣми тебѣ добрѣ сказано будетъ, Богу съпо-спѣшествоующу. А еже ниня быти словеса онѣ възпоменути тебѣ хошу, в нихъ же яко крѣпко нѣкое възприимаше еже «исраилите» нарыцатисе. И нас оклеветаше, яко тужди мы украшаемымъ имен'мы, яко ниня сѣ нарычемсе и мѣ. Реку же тебѣ множае, нежели подобаетъ имену присвая-тисе.

И бо аще «Исраиль» «умъ, зре, — сказуетсе, — Бога», подобнѣ ничто же // мнѣше и иже Бога благочѣстивѣ умныма очима зреще Исраиль *л. 211 об.* нарыцатисе убо. Иаковлимъ, иже Исраиль наречесе, дѣтемъ, вамъ, Израилитѣ не бо убо мнѣ, не убо праведнѣ нарычемсе, яко оттуду род'ству имуще прѣтие, Исраиль же и паче. Азъ же убо паче реку сѣ вамъ погубити от-нели же Бога на себе самѣхъ разгнѣвасте и от Того отступлыше, и от Оного оставлени бысте за нечѣстия ваша и великую онѣ крестную дръзость, еже на Сына Божия в'семир'наго Спасителя вами дръзнуто. Обаче оному убо подобаше пострадаѣти плѣтскы о всѣхъ спасениу, и пострада. Окаянни же въи и слѣзамъ достойни, яко умъ зре Бога бывше, потъмнени и омрачени умоу бысте, по прьвому оному отступнику диаволу, Израилитѣ не бо убо, еже рѣх, мнѣ убо глаголетесе, Исраиль же никакоже; нъ намъ при-кладно быти сѣ речеть кто убо вѣлѣпоту, иже идолослужителемъ дѣтищомъ, сѣ ниня твое сыгрѣшение, еще же и уже достоянниа Богови и святые и на-слѣдники Божия царства и быти, и глаголатисе, яко заеже въ Христа вѣры и бане пакибытия, рекше божест'внаго крщения, ума назирателя

* Слова первое и второе см. в томах 41 и 42 ТОДРЛ.

л. 212 Божия бывшим, еже ниня и тебѣ же и паки и многаши // молил' бих се быти и душевным очесем твоимъ отвръзеномъ быти, сущий разумъ истинны приети от Бога.

Елма же въ прѣждней помолих'се възвратитисе тебѣ молитвѣ, праведно, мню, и силу указати тебѣ молитвѣ. Вещ'ша бо тебѣ и съвръшен'нѣйша и от великихъ онѣхъ, их'же самъ хвалиши, прѣродитель блага тебѣ прибудуть, аще мнѣ повинешисе, божеств'ной пакибытиа съвръшаемѣ бани. Онии бо убо аще и великий умъ зре Бога бѣху, нѣ не бѣху еще съвръшеннѣ познавшѣ яже о Христѣ. И убо речетъ кто убо, яко и живи оного проповѣдаху, аще и несъвръшенѣ и чистѣ, и умрыше, оного ради, или паче от оного, еже от ада своимъ душамъ свободу надѣхасе. Нѣ, еже рѣхъ, велици убо бѣху, несъвръшени же суще еще, вещьшаго трѣбоваху разума. Сего бо ради и Христосъ своимъ ученикомъ глаголаше, яко «Мнози пророци и царие въсхотѣше видѣти, яже въ видите, и не видѣше, и слышати, яже слышите, и не услышаше». Не тъкмо же онии несъвръшенное имѣху, нѣ и самъ ученици Спасови, съпрѣбывающе и в'сегда и честимъ учениемъ възводи мѣ же и уболю'ствуемѣ, — ни самии сии прѣжде страсти и смърти учителя ихъ Христа разума имѣ//аху съвръшенное, нѣ по сихъ, страсть явѣ яко и въскресение, божеств'ному и прѣсв'ятому Духу на не пришьдѣшу и научившу, прѣбѣств'ны разумъ же и съвръшенъ. Аще ли же кто и еже и еще живи обогатисе разумъ къ оному въсхоцетъ прѣдложити, иже на Христово второ пришьствие възимуть, по прѣзъл'ному оному обрѣщетъ вещьша. И тии бо иже свободу въсприешѣ въ адѣ божеств'нѣй отци, ни тии, и убо диавол'ское мучите'лство раздрушаемо видѣвшѣ, съвѣшенное разума прише.

л. 212 об.

Сиа же тебѣ проидохъ, яко да навькнешѣ, яко вещьше от их'же отцемъ послѣдовавшимъ блага тебѣ будутъ, послѣдователю апостолскому учениу бывшу и разуму, иже съвръшенное имущу, якоже проидохъ.

К с е н ь: Добрѣ зѣло, о царю, о всѣхъ слово свое потрѣбовавшу, еже о крестѣ посрѣдѣ реченно прибысть мнѣ. И чюдо нѣкое непщевано бысть явлено и от иныхъ паче невѣрно, аще еже о тлѣнии чловѣкомъ изобрѣтено бысть и от томлении вещьшему, реку же убо и сквр'нному, инѣ же наста многимъ и самому ниня Иисусу, егоже въ Христа-Месиу именуете, вѣновно нѣкогда жизни нераздрушеннѣ, якоже глаголетѣ, и съвръшену разуму наста нѣкоторѣмъ.

л. 213

Ц а р ь: // Понеже иже о въчловѣчении, о Ксеню, Христовѣ словеса, путемъ проходе, явленна общахсѣ тебѣ прѣдставити, не убо же сѣ врѣме имѣе зру. Егда на оно прииду слово, тогда тебѣ и о них'же въпрашаеши мѣ яковъ убо буду пробѣсѣдую.

А еже настоящее и о безквасныхъ мала нѣкаа въспоменути добро есть искусихъ. Вѣси бо, яко и о тѣхъ насъ оклеветаль еси, яко, боговидцу прѣдавшу Моусею, не ямы, нѣ якоже суботы и пощениа, сѣе ниня прѣзыраемъ и сиа, иже от Бога данны Законъ възражающе в'сѣмъ. О постѣхъ бо убо не убо будетъ цѣломудръ ина нѣкаа прѣжде Исайинѣхъ искати, тѣ бо рече: «Тако глаголетъ Господь: възупѣ въ крѣпости и да не пощедиши; яко трубу възвѣси гласъ свои и възвѣсти людемъ моимъ грѣхы ихъ, и дому Иаковлю безаконѣи ихъ. Мене день от дне ищутъ и познати пути мое желаютъ, яко людие правду сътворше и судъ Бога своего не оставльше; просетъ мѣ ниня судъ правед'нѣ и приближатисѣ Богови желаютъ, глаголюще, яко: „Постихомъ и не увѣдѣ, смѣрихомъ душе наше и не позна“. Въ днѣхъ бо пощений вашихъ обрѣтаете хотѣнѣи ваша и в'се подручники ваше уязвляете. Аще въ суды и рати постите и биете пест'мы смѣ//рена, почто постите: яко день услышану быти въ выпль гласу вашему? Не сѣи постъ азъ избрахъ, и день смѣрае чловѣка душу его. Ни же аще прѣклониши яко окови выю свою и врѣтище и пепелъ постелѣши, ни тако наречете постъ и день приетнѣ Господевѣ. Не убо таковъ постъ азъ избрахъ, глаголетъ Господь, нѣ раздрѣшай всакъ съузъ неправды, разарай развращения нуждныхъ

л. 213 об.

измѣнений * и всако съписаніе неправедно растръзай; раздрабляй алчющому хлѣбъ свой, и нищие без'кровни въведи въ домъ свой; аще видиши нага, одѣй, и отъ своихъ сѣмене твоего да не прѣзриши. Тогда исходитъ ранн' свѣтъ свой, и ризы твоѣ скоро всіають, и прѣдидетъ прѣдъ тобою правда твоя, и слава Божіа покрываетъ те. Тогда възвѣстѣши, и Богъ услышитъ те, еще глаголющу ти, речетъ: „Сѣ азъ приидохъ“. Аще ли же отимеши отъ себе съузъ, и рукопростртіе, и глаголь рытанія, и даси алчющому хлѣбъ отъ душе своей, душу смѣрену насытиши, тогда всіаетъ въ тмѣ свѣтъ твой, и тма твоя, яко полуднѣе; и будетъ Богъ съ тобою в'сегда.

Позна ли, о нихже насъ оклеветаете, яко не съблюдаема явѣ пости ваше, каковѣ нѣкыи есть отвѣтъ Божій, и како не просто, нѣ съ лютотостию отлагаетъ и гнушается сихъ, инѣ же поще//нія видѣ рече целоватисѣ, еже явѣ учитъ Еуангеліе, сирѣчь любовь, милость, длгомы раздрѣшенія, и инѣ, елика бо по коемуждо изъчте, яже и жрътву именова благоугодну Богу? Сѣи убо постъ научени быше постити иже Христови суще и тако жрътѣ боголюбзнь, нѣ не по вашихъ богоненавистныхъ жрътвахъ, якоже Исайа рече, и отвращеныхъ отъ Бога. Ни бо самое сѣ име поста, нѣ сего дѣланіе искушается отъ Бога, аще по правому явѣ яко бываетъ слову или нѣ. Тоже бо многаси и едино, не по подобнѣ бываемо любви, ни подобно судимо быти отъ Бога. Абы бо мучимомъ быти речемъ иже въ Вавѣлонѣ триемъ отрокомъ, аще ли же хоцещи, и Маккавее. Нѣ убо и мужеубици или ни же ино нѣчто злодѣйствовав'шихъ многихъ множицею, нѣ ниединѣхъ о семъ еже мучитисѣ или озлобляемъ, или приемлемъ. Нѣ произволеніе комуждо или възненавидѣхомъ, или похвалихомъ: овѣмъ убо — злонравное, инѣмъ же — о отеческихъ законѣхъ благодушіе же и твердость. Прочее же по сему, ни вашимъ пощениомъ прибыти еже божеств'нымъ непщеватисѣ, елма проявлено Богъ пророкомъ съ прѣзѣл'ствомъ рече гнушатисѣ сихъ и отвращати. Кто бо сице // несмысл'нѣ, яко любити яже Богъ отвращаетсѣ?

Еще и о праздницѣхъ и суботахъ, не бездѣлно намъ коснѣе, яко съ инѣми купно закон'ными и сѣа раздрѣшихомъ. И не быти инако благочестивати укрѣплю, аще не сѣа кто по Моѹсеу съблюдетъ прѣданию. Еже сице убо прѣбывати и прѣлстна имѣти о христианѣхъ мнѣнія, не отинуду вамъ прибыти, развѣ отъ еже не хотѣти прѣклонитисѣ въ словесехъ и вещехъ мысли, нѣ нагу внимати писмену. Заповѣданія бо вамъ отъ Закона, паче же отъ Бога, праздность нѣсть вѣрь называніе. Аще бо сѣ было би, никогда же ни по единомъ образу поколѣбано би. Нѣня же вола убо и осла раздрѣшати отъ ясли въ день суботны и отвѣденомъ напаяти, и въ р'веникѣ или въ ровѣ выпади что отъ сихъ прѣкланятисѣ и възводити Законъ вамъ повелѣваетъ, ей убо и обрѣзаетсѣ, аще въ субботу аще отъ новорожденнаго рожденіа осмы сѣлѣчитсѣ. Како убо аще вѣры было би, якоже рѣхомъ, сѣ прѣданіе и съблюденіе, отчести убо съблюдаемо би, нѣчто же сего и прѣзырашесѣ? Нѣсть рещи. Нѣ законное упражненіе сего ради вамъ повелѣно быти: о//ву бо, да и под'ярмникомъ вашимъ и рабомъ, упокоеніе нѣкое и прѣсѣченіе трудомъ будетъ честимъ, и якоже крѣпчайшу пакы срѣсти въ еже дѣлати, се же да и васъ кѣждо праздность воде въ день суботны, елма и Богъ въ день, рече, седмы почти отъ дѣлъ своихъ, въкупѣ женѣ и чедомъ, на пѣніе укланятисѣ Божіе, и страшнѣ осмаго, сырѣчь будущаго суда, день иматъ въ поученіи. Есть же и ина нѣкаа мысль о суботѣ, яко: понеже мира свѣтъ Христосъ хотѣаше въ день суботны лежати въ горбѣ мрътвѣ, подобаше и вамъ в'саку празнось и неволею имѣти. Вы же отъ сихъ ниедино вѣньмѣ, суетно сице и бесловесно чюдитесѣ суботѣ и велемудрствуєте еже никакоже убо вѣнѣ падати, якоже мните, Моѹсеова законоположенія. О праздницѣхъ же вашихъ что подобаетъ глаголати, аще и вѣсма праздники подобаетъ ваша звати законоположенія? Сѣ ибо есть еже зѣло смѣшно,

* На поле рядом: отпущая съкрушеніхъ въ оставленіи.

яко и инѣх, аще не сиа съврѣшаютъ, безаконовати непщуете, паче от всехъ сами сѣ страждуще.

К с е н ь: Аще убо иного нѣкоего, царю, не вѣмъ, себе же самого ни же въ малѣ възымаши непокорива, паче же убо и съ прѣзлѣствомъ противу
л. 215 об. реку, яко нѣсть иже убо от Бога повелѣнные праздники // и пощения и ина съврѣшающихъ безаконовати, а иже сихъ ничесоже имущихъ въ словѣ, нѣ заплювающихъ и почитающимъ смѣющесе благозаконovati, и правости дрѣжатисе, и еже благочѣствовати не отступати.

Ц а р ь: Варивъ рѣхъ прѣжде мала, яко не просто дѣйствуемыхъ коеждо подобаетъ съматрати имущему разумъ, нѣ мысль, от нее же дѣтсе. Аще ли кто сѣ възхщетъ съматрати, всакого пианѣства блуднѣйша и скврѣнѣйша обрѣщеть пощения ваша и праздники и суботы. Зрѣ бо: и удивлюсе убо, аще не и самому тебѣ яветсе незаконна бываемаа.

Богъ въ Иерусалимѣ и въ церкви повелѣ жрѣтвы же и инѣ съврѣшати, а не инде; и явѣ от нихже никакоже повинущесе възспѣти пѣснь, егда плѣнени отъ вавѣлонянъ отци ваши водими бѣху, прѣклонишесе, нѣ отврѣгшесе: «Како възспоемъ пѣснь Господню, — глаголюще, — на земли туждей?» Въ же ниня супротивъ онѣмъ не невѣзспѣвати не неотраженомъ тѣкмо, нѣ и праздники, и пощения безаконна съврѣшаете. И еже паче всѣхъ несъмысленное, яко и нама есте клеветници, и не благочѣствовати отъ васъ непщувати//еми есмы, яко убо яже отъ васъ бываемъ не похваляемъ, паче же не съврѣшаемъ. Аще убо что тебѣ брѣгмо разумѣти, како жрѣтвы ваше Богъ приемлетъ, слыши, что о сихъ рече Исая: «Что ми множество жрѣтвъ?» глаголетъ Господь. Исплнь есмь, вѣсѣжежений овнѣ, и тукъ агньцѣ, и кровь юнцѣ и козѣ не хочу. Ни же аще приходите явити ми се. Кто бо възыска сиа отъ рукъ вашихъ? Ступати въ дворъ мой не приложите. Аще принесете ми семидаль, суетно. Кадило мрѣзость ми есть. Новомѣсечиа ваша, и суботы, и день великъ не стрѣлю. Пощение, и праздность, и новомѣсечиа ваша, и праздники ненавидитъ душа моя, бысте ми въ сытость. Не ктому оставлю грѣхы ваше. Егда въздѣждете руки ваше къ мнѣ, отвращу очи мое отъ васъ; и аще умножите молитву, не услышу васъ, руцѣ бо ваша исплнь крови». Такова о жрѣтвахъ вашихъ и суботахъ и праздницѣхъ Богъ указываетъ и сие ненавидѣти сиа и отрѣвати явьствнѣ рече.

Врѣме ниня прочее и умъ опрѣснѣкомъ повелѣннѣ испитати, и какова есть законоположенныхъ мысль, о нейже вамъ нимала убо брѣгмо бысть
л. 216 об. когда, довольно же тѣкмо писмо къ // благочѣстиу вѣмѣнисе.

Вѣси вѣсако, яко хлѣбъ убо въ вѣсе лѣто вашими снѣдаемъ есть, въ врѣме же пасхы въ дни седмѣ отъ вѣсакы убо храмины въземлетсе хлѣбъ, опрѣснѣчна же всѣми снѣдаема суть, якоже нѣгде законное писмо повелѣваетъ. Симъ же седмымъ реку прѣшѣдѣшимъ днемъ, кваснѣ паки ядутсе. Что юже когда убо речеть кто назнаменовати обходное хлѣбу лѣту? Вѣсако ничтоже убо ино, аще кто опасно сматрати хочетъ, развѣ праздность убо Вѣтхаго Закона, начело же Новыя Благодати, юже Богъ пророки обща дати езыкомъ.

Что же убо речеть кто быти еже обрѣзаниа? Еда убо прѣдание вѣры? Никакоже. Нѣ что? Знамение и якоже печать вещи за нѣкую потрѣбу. Аще бо еже въ непщуете прѣдание вѣры было би, не би убо иже прѣжде потопа Богови угодившей дивилисе и прѣзырали до днѣсѣ святии суще и непщуети, якови нѣции — Авель и Енох — бѣху праведни и Богомъ свѣдѣтелѣствовани и ини мнози, прѣжде же всѣхъ сихъ Адамъ, и по потоцѣ Ное, Иовъ, Мелхиседекъ и ини мнози. Егда же Авраамъ вѣрова и вѣмѣнисе, якоже писано есть, вѣра его въ пра//вду и другъ бысть Богови, и еже отецъ быти многимъ езыкомъ и наслѣдие имѣти подсолнѣчную любви възетъ благодати, прочее въ обрѣзаннѣ ли бѣ, или въ необрѣзаннѣ?
л. 217

К с е н ь: Явѣ, яко въ необрѣзаннѣ.

Ц а р ь: Прочее, не сѣ есть благочѣствовати еже обрѣзоватисе. Аще бо извѣщение вѣры было би, якоже речесе, не би убо иже прѣжде Авраама или и тѣ самъ прѣжде даже необрѣзание отъети святи бѣху и друзи Божии.

Нѣ нѣчто ино бѣ, иже сим усматраемо. Елма бо прѣдлежахше словесы, имиже Богъ вѣсть — ум' бо Господень никтоже увѣдѣ, — отродом Авраамлимы лѣтъ четыреста работати въ Егѹптѣ, таже оттуду паки съ мышцею высокою и великие силы изыти, от тежкыя раздрѣшеномъ работы, дано бысть Аврааму обрѣзание от Бога и онога ради всѣмъ сущимъ от онога, яко убо въ врѣме пришльства разньствовати от егѹптѣнъ, якоже нѣкыи овце назнаменани, и изыти потрѣбовавше, удобнѣ и бескрѣбно от необрѣзанныхъ егѹптѣнъ распрегутся. Аще бо не би сѣ онѣмъ тогда было знамение, ни же убо инимъ не би убо были явлени, нѣ ни же сами себе вѣдали би убо, якоже мнѣ, длгѣмъ протежениемъ лѣта. Сего ради и ни еже изы//ти *л. 217 об.* убо тѣмъ бѣше удобно, сице сущимъ неудобъ знаемымъ.

Еще же ти и сѣ да будетъ знамение, еже не быти прѣдание вѣры обрѣзание — еже не обрѣзоватисе женамъ. Ни бо речеши, яко о единѣхъ мужехъ брѣгомо Богови бысть, яко да благочествуютъ, нѣ не и о женахъ.

А еже ниня паче всѣхъ назнаменати тебѣ мощно еже рѣхъ, еже за всѣхъ čtyридесетъ лѣтъ, имиже пустыню прохождаху, изышдше изъ Егѹпта, ниединому вьсма обрѣзатисе. Егда же прѣйти Иорданъ хотѣаху, якоже варивъ рѣхъ, силою кивота, Навину Иисусу Богу повелѣвшу всѣхъ паки обрѣзати, да якоже нѣкое знамение будетъ сѣ языкомъ и разлучение от иноплемennыхъ языкъ, съ имиже хотѣаху смѣшатисе. Вина убо прѣва обрѣзання есть повелѣннѣ вашихъ прѣродитель въ Егѹптѣ прѣбывание, втора же иже съ ближними странами иноплемennикѣ смѣшение по еже прѣйти Иорданъ.

Есть же и ина нѣкаа паче сихъ: яко понеже Христу убо о онѣхъ подобаше распету быти по плоти, онѣмъ же за прѣзлнѹю дрзость въ напасти неисцѣльные выпасти, и градъ убо вьсма погыбнути, языкъ же, прѣселникъ бывъ, подруч'на в'сѣмъ бы//ти и повсуду рассѣану быти, да будутъ *л. 218* обрѣзання ради всѣмъ явлени и яко мрѣсци отвѣсуду отгоними быти, еже ниня настоитъ зрѣти, якоже и тѣ добрѣ вѣси.

Яко вьмалѣ Богови брѣгомо бѣше таковое обрѣзание, слыши, что рече Моуѣси въ день съ: «И обрѣжете жестосръдие ваше, и вые ваше не ожестите ктому; Господь бо Богъ нашъ сѣ Богъ богомъ и Господь господемъ». И Иеремиа же: «Поорѣте себѣ понови, — рече, — и да не посѣте въ тръннихъ. Обрѣзуйтеся Господеви и обрѣзайте необрѣзание сердца вашего». Не Моуѣсеу же и Иеремии единѣмъ такова вьспоменута быше о обрѣзаниу, нѣ и инѣмъ немала отъ пророкъ, яко сѣ есть истинное обрѣзание и Богови на угождение бывше — злобамъ отложение, еже от сръца отгнание злопомнѣнна и зависти и таковыхъ. Сиа бо от душе отѣмъ же и отрывувъ вьистину есть обрѣзанъ. Ни бо сътвори Богъ что въ нашемъ тѣлеси излишно же и непотрѣбно или оскврѣнено, еже убо обрѣзавше поврѣжемъ добрѣ творити нещущими, ни в'са суть добра зѣло и къ скончаниу и удобрениу другъ другу съложена же и съврѣшена, и излишно въ нихъ ничесоже. Яко убо иже отвѣнѣ от невѣннмания съ//лучающасе душамъ прѣгрѣшениа и еже къ злобѣ устрѣмление прѣсѣцаетъ Богъ пророки намъ повелѣваетъ и сие тому рече приетно быти обрѣзание. Аще ли же кто плѣти убо обрѣзуется, душевнаа же къ злобѣ стрѣмления не удавляе прѣсѣцаетъ в'сакымъ образомъ, суетно, якоже слышашъ еси, таковое обрѣзание пророци явѣ показываютъ. Слыши бо, что глаголати Бога въ Левитику сътвори: «Прѣступише и прѣзрѣше ме, и ходише прѣдъ мною лъстивнѣ, и азъ ходихъ съ ними лъстивнѣ, и погублю ихъ въ земли врагъ ихъ; тогда посрамится сердце необрѣзанное ихъ». Сиа бо убо речена быше о нихъ же яко съгрѣшениа нѣкаа произнеслъ еси еже ни же обрѣзаннымъ намъ, ни же суботы и праздники и ина съблюдающимъ. *л. 218 об.*

Елма же довольно, якоже мнѣ мнитсе о нихъ речено бысть, време, прочее, по общаемыхъ, и словесемъ юже о вьчловѣчении Христовѣ коснутисе. Твое же убо буди нелѣннвѣ, ни же небрѣжителнѣ, крѣпко же и съ тыщаниемъ и якоже очищеною по силѣ и мыслию и слухомъ иже о толикихъ

л. 219 слова приети. Не безврѣменно убо будетъ // и яже вѣси имиже не знаеши приложити къ словеси сказанія. Слыши ниня.

Бог от не-сущихъ вѣсе убо сѣ — умную реку вѣсу тварь и чювьствную — съставити въсхотѣвъ, прѣжде всѣхъ аггел'скаа чиноначелиа приведе, прѣстоли реку, херувимъ, серафимъ, господствіа, силы, власти, начела, архангели, аггели, — аще огнь, яко невеществ'нь и бестѣлес'нь, аще нѣкое естество ино, яко близъ реченныхъ сихъ непщевати. От сихъ убо чиновъ князь единъ, видѣвъ себе сице добра, сице свѣтла и красна, невеществ'на же и бестѣлесна и елика естеству аггел'скому прикладна, не въ благо дан'ное благодѣаніе и самовластіе потрѣбова, нь несмыслно на сътворшаго Бога въставъ и суетною и удобною прѣвъзетсе грьдынею, възетъ на небо езыкъ свой, на сътворшаго его Бога похуливъ. «Положу, — бо рече, — прѣстоль мой на облацѣхъ и буду подоб'нъ Вышнему». Абие убо иже прочимъ аггеломъ единачин'нъ же и съгражданинъ, дѣница святы, туждѣ неизречен'ныя доброты оное и радостнаго прѣбыванія показасе тма мѣсто
л. 219 об. свѣта, и вмѣсто свята грѣш'нь, и умъ небрѣгомъ въ//мѣсто аггел'скаго ума бывъ.

Да убо яже посрѣдѣ оставлю — небесе и земли и яже въ нихъ съдѣтелство, — ничесоже бо прѣжде дѣла ниня ктому симъ вънутрь прѣбывати, насадити рече Моуси Богу и рай на востокы, чловѣку же дѣлателью сему не быти. Тѣмъже купно убо вышняго мира Богъ скончати въсхотѣвъ, купно же и изредному саду оному раю дѣлателя съдѣтел'ствовати, рече: «Сътворимъ чловѣка по образу нашему и по подобію». Съматраемъ убо, къ кому еже «Сътворимъ чловѣка» реки есть Богъ. Сѣ бо еже «сътворимъ» единосвѣтіа нѣкотораго образъ являеть и съ нѣкоторымъ инѣмъ Бога Писаніе въображаетъ бесѣдовати. Еда убо къ аггеломъ сѣ рещи Богу речемъ? Нь не вмѣщается: къ подобному бо нѣкоему себѣ еже «Сътворимъ чловѣка» речено бысть отъ Бога; аггел' же ни же рещи въсма есть колико умняется отъ божеств'ныя высоты. Нь къ себѣ речеть кто Богу рещи еже «сътворимъ»? Нь и сѣ въсма бесловесно. Ни бо едино являеть лице еже «сътворимъ». Остаетъ же ниня къ своему Сыну Богу рещи сѣ, иже единъ
л. 220 и тѣмъ же тому имущу непрѣмѣнны образъ, къ ему//же и по паденію Адамову рече, якоже ругаетсе, еже: «Сѣ бысть Адамъ, яко единъ отъ насъ, реку же богъ.

Да не убо, Сына Богу имѣти слышавъ, къ тѣлеснымъ нѣкимъ мыслемъ отвалишисе, рождение нѣкое вѣществу по тѣлесныхъ и дебелѣишѣ непщуете. Аще бо сице смѣрена нѣкаа и низвержена о Бозѣ вмѣняти дръзнеші, не убо ли достигаеши всѣхъ без'божныхъ и нечестивыхъ непщуете, ихъ же о семъ тебѣ бесѣдующихъ. Еже тебѣ случаетсе, прѣльсть нѣкаа убо будетъ вѣсако отъ еже не глѣбчайшаа Писанину избирати.

К с е н ь: Каа ниня сиа Писанія не испитати ми глаголеши и истинную погрѣшати и мысль написаннымъ: яже Моусеовѣхъ, яже пророкъ, яже Давида, или ваша, яже и свята не лѣзнитесе нарыцати?

Ц а р ь: Азъ же ниня Вѣтхаго Завѣта рѣхъ. Аще ли же мнѣ и Новаго глаголати въсхошетъ кто, не вънѣ падетъ отъ истины. Посрѣдъ бо обоихъ супротивление никаково убо.

К с е н ь: Аще убо новаа сиа и ваше невѣдѣти ми речеші, ни же въ малѣ противу рещи начну. Другыхъ же, Вѣтхыхъ реку, и ихъ же сповѣдатель намъ Моуси и учитель бысть, много потрѣбую въсма ненаученъ быти
л. 220 об. глаголати: аще бо и не до конца сихъ разумъ же // и постижение исправлено ми бысть, нь ни же въсма непослушатель тѣмъ и ненаученъ си ес'мъ.

Ц а р ь: Варивъ рѣхъ тебѣ мало прѣжде сихъ, яко подобаетъ иже рождество слышущему Божию никакоже неподобными и тѣлесными помысли колѣбатисе, нь сѣ въ умѣ положити: въистинну якоже непостижимъ есть Богъ мыслями чловѣкѣ, сице ни по чловѣкохъ раждаетъ. Нь раждаети убо вѣруетсе, како же — не испитуется. И имѣти убо тому Сына научени быхомъ прѣвѣчна и събезначелна себѣ. Коимъ же образомъ сего роди, не убо же мрътъвному и вѣществуному естеству, нь и самѣмъ, якоже рѣхъ,

пръвиимъ аггелъ не увѣдѣно бысть въсма. Нь върою единою сѣ в'си и приемлемъ, и исповѣдуемъ. И инако же прѣжде словесъ вѣси нѣгде сѣ извѣщено намъ; ни же по слову, ни же по естеству, яже паче естества искати и слова, нь мльчаниемъ почитати неизреченнаа. Убо помню же ли что от сих, или забыти тебѣ мнимъ есмь?

К с е н ь: Имут сиа сице.

Ц а р ь: Прочее, понеже убо Бога разумѣти неудобно намъ явлено бысть, сказати же въсма невъзможно, како убо не прѣзъ естеств'наго неисто//въства будет рождьство Божие много испитовати? В'сакъ кто л. 221 убо речеть мльчаниемъ убо подобати почитати. Вѣрою же единою благочъствовати и вѣровати не инако убо быти. Вѣра бо разумъ есть неявленъ. Аще ли же разумъ есть неявленъ, убо причестие есть паче естества, им'же невѣдомѣнъ неявленъ съединяемъ Богови по прѣразумениу съединения. Елма же ни по единому образу указаниа съединяемъ Богови, вѣрою же единою, како едино нѣчто когда будетъ от мощныхъ и елико убо разумѣти, како своего Сына Богъ роди? Аще бо и, яко въ образѣ, раждаетъ, рѣхом, Богъ своего Сына, яко умъ слово, — не произносное сѣ и въ въздухъ проливаемо, нь иже тому естеств'но. Нь и сѣ отчасти глаголетсе, а не въсѣдѣль рождениа образъ прѣдставляет, тько же зѣло явление намъ дасть. Таково бо въ еже о Бозѣ словесехъ яже от твари начрътаниа скончание трѣбующимъ давають. Сице убо рѣхом, яко: раждаетъ Богъ своего Сына, якоже умъ слово и сianie свое — солнце, еже свѣтъ есть от свѣта. Елма убо в'сако раждаемое подобно быти нужда рождьшому, чловѣка бо единосущна себѣ чловѣкъ, и конь коня роди, и маслица пакы, и ина такожде, или садовых, // или животных, сице и Богъ: бестрастно и безлѣтно и л. 221 об. прѣжде всѣхъ вѣкъ единосущнаго тому роди Сына. Сего бо ради и Сынъ, яко единосущ'нь. Се же, проходе, слово явленнѣйше прѣдставить. Аще ли тебѣ тешко мнитсе — еже Сына Божиа глаголати иже съ небесъ съшѣдша за чловѣчское спасение, глаголи сего свѣтъ от свѣта быти и единосущна Богови, и съпрѣстола, и Отца вѣком, по Исайи, и поклоняема от аггелъ. Сына же Божиа аще не хоцещи сего глаголати, простимъ. Нь на оно пакы възвращаемое слово, яко: понеже ни къ себѣ еже «сътворимъ чловѣка» Богъ рекль есть, ни къ аггеломъ, вины ради, юже рѣхомъ, къ Сыну убо и Слову его еже «сътворимъ чловѣка» рече «по образу нашему и по подобию».

Сьдѣтел'ствуетъ убо Богъ тѣло чловѣку, прѣстъ възьмъ от земли, якоже пишет, от себе же душу выложъ тому вѣдуновениемъ. Посем уже, едину от ребрь его възьмъ, наплъни сиу, и бысть Ева, — да от единого в'си будутъ начела — Адама явѣ яко, а не от двѣю, Адама и Евы. Въселивъ убо ихъ Богъ въ рай, дасть имъ законъ, заповѣдь реку, да от в'сакого дрѣва еже въ рай власть имут ясти, от дрѣва же еже вѣдѣти добро и лукаво не имут ясти. Тѣмже диаволъ толи//кые тѣмъ позавидѣвъ чъсти, къ Адаму л. 222 убо не приступи якоже тврьдѣйшому, къ Евѣ же приступивъ, свѣща в'сехъ пагубнѣйша. Прѣльщена же бывши от немощи и приемши льщение и отречен'ные коснувшисе пище, виновна и Адаму великаго оногъ бысть падения. Егда убо сынѣдоше их'же не сынѣсти повелѣни быше, тогда свою наготу разумѣше. Богу бо ходяшу въ рай въ полудне, познаше, рече, Адамъ же и Ева, яко нази бѣху и съкрышеся от него. Богъ же въспоменути Адаму хоте прѣступльшихъ, да по-малу къ покаянию призоветъ, рече къ нему: «Адаме, где бѣ?», — сѣ убо показуе тому чъсти величие, еже погуби, сѣ же и къ покаянию, еже рѣхомъ, въводе. Онъ же не разумѣвъ смѣриениемъ възвестисе, нь неповинна убо себе, повин'на же близъ их'же глаголаше Бога творе, жену показуе. И оно ради прѣльститисе непшуе, изгонитсе убо съ оною из рая. Нази же бывше от божеств'ные благодати же и дара нетлѣнные и бесъмрътные и в'сакого блага испльнь, въ кожныя облѣкошеся одежде, дебелѣйшую сиу плоть мрътьвную и про//тивообразную. л. 222 об.

Аще что убо тебѣ мнитсе мало зде постоавше, еже от Бога реченное еда съсмотримъ, како по образу своему рече чловѣку сздану быти, и еже писанна пакы како Богу въ рай рече ходити въ полудне.

По образу убо Божиу в'си сьздани быхом и по подобіу. Нь отнели же божеств'ную прѣступихом заповѣдь еже по подобіу намъ погыблѣшу, тькмо другое, еже по образу явѣ, съхраняется в'сѣмъ подобнѣ, лукавнымъ же и благѣмъ. Нь и еже по подобіу паки попечениемъ тыщаливыхъ восприимлетсе.

Образу же Божиу въ нас не единъ обычай обрѣщетъ кто, нь многихъ: сѣ убо, еже начелникомъ быти послушнымъ же в'сѣмъ животнымъ и воднымъ и въздушнымъ; се же паки, еже нетлѣн'нымъ и бесъмртнымъ сьзданномъ же и сьврѣшеномъ по възкресеніи. Еже бо въ Еуаггліихъ речен'ное от Христа, яко аще имамы вѣры сьврѣшену, речемъ горѣ «прѣиди», и послушает, оставлю глаголати ниня еже въсма ненаученну тебѣ таковымъ быти. А еже Исуса Навиина и еже от Фезви пророка колико что тобѣ мнитсе? Овому убо удрѣжавшу под властіу непрѣстанное солнцу течение, овому же трѣ лѣта в'са сушею земли оскрѣбѣвъ и небо сѣе удобнѣ заключивъ, л. 223 якоже // убо аще кто уста р'венику покровъ положи же и назнамена. Сѣа бо единому Богу есть мощи и еже по подобіу тому бывшу. Не тькмо же сѣхъ образъ съ попечениемъ иски кто въ нас обрѣщетъ Божиихъ, нь и множае иныхъ, егоже от всѣхъ азъ убо вещьши полагаю и иже кто от иныхъ прѣвыми носитсе, сѣа есть.

Яко понеже нашѣ сѣ тѣло от Бога сьздано от земли бездушнѣ бѣ и не живо и недвижимо, сьединивши же се сему иже от Бога даннѣ умнаа же и словеснѣ душа, одушевлено показа и живо, и движи́мо, и яко убо сънидошесе тѣлеснаа и душевнаа естѣства, вѣмы, слово же, по емуже и невеществнаа и бестѣлеснаа веществуному сьединисе и дебелому, и яже по естѣству бесъмртна съмртному по естѣству, никтоже никогдаже увѣдѣ: или какъ ово убо и страждетъ, и раздѣляется, и сѣчетсе, овѣ же от сѣхъ ничимъ же побѣждается, нь бестрастна и нераздѣльна и несѣкома прѣбываетъ; или како ниня убо от тѣлесе изышьдѣши и растоещи,* сѣ оставляеть мрѣтво, сѣ же паки приидетъ и восприиметъ живо, якоже от начела показавши, — сѣе и иже от диавола прѣльщен'наго Адама, и оногъ ради всѣхъ иже от оногъ падшихъ и лежесшихъ мрѣтвыхъ, аще и жити мнѣху. Ни бо л. 223 об. есть жити души не помагае//мѣ от Бога и къ служению идоломъ и глухыхъ истуканныхъ поплъзшесе. Божій единороднѣ Сынъ, иже въздѣ сѣи паче всѣхъ, прѣклонъ небеса благоволениемъ Отца, и съшьдѣ, и плоть приеъмъ, възкрѣси Адама же и всѣхъ чловѣкъ, и долу лежесее естѣство възнесе наше. И плоти сьединивсе и единъ съ нею бывъ несѣлит'нь сѣставъ, ни же божеству и мало убо что вещи въ пристрастие приеъмшу, нь на своемъ прѣбывшу величию, ни же сьзданному естѣству въ несѣзданно прѣложеноу, нь въ коемуждо сѣхъ еже бѣ прѣбывшу, сѣе убо чловѣчское възкрѣшь естѣство и въ прѣвое устройвъ достоин'ство, низврѣже и побѣди диавола. Обаче — не яко Богъ, ни бо би чюдно было, нь яко чловѣкъ, да от оногъ утаитсе низврѣжень, егоже прѣлсти, еже и, проходе, слово покажетъ явленнѣйше.

По емуже убо рѣхомъ слову, яко прѣжде убо сьздано бысть тѣло, по сѣхъ же душа, сѣе по еже прѣлститисе Адаму и мрѣтву и недвижиму и празну въ благое прѣбыти, милосердія щедротъ Божіе Слово възъмъ, въ послѣднѣа вѣремена плоть убо приеъмъ и намъ, чловѣкомъ, съпоживе. л. 224 И сѣ есть еже рече божеств'ное Писание, яко ходе//щу Богу полудне въ рай слыша Адамъ гласъ его и съкрысе, яко нагъ бѣ: божеств'ное Божіа Слова възплъщение прѣдзнаменуе: якоже бо къ концу дне годъ полудне глаголетсе, сѣе полудне Писание и къ концу нынешнаго вѣка нарече, и посему Бога въ рай, ре же на земли, на ней бо и рай, плѣтоносна ходити рече.

Слыша ли, о Ксеню, Божій образъ чюдесе исплѣнь и прѣжде реченныхъ не съсужденно выше лежесъ? Да не убо почюдишисе, яко съ прѣстѣннымъ Адамовѣмъ тѣломъ сьединения умныя душе, образъ еже съ веществнымъ

* или како. . . растоещи приписано со знакомъ вставки на нижнемъ полѣ.

и тлѣннымъ естъствомъ сѣдинения невеществному и бесъмрътному божеству рѣхъ быти. Еже бо прѣжде всѣхъ вѣкъ таин'ство божественнаго сьмотренна, еже и аггеломъ в'сѣмъ невѣдомо и чловѣкомъ, от Адамова сьзданиа начело приемъ проображати же се и обнажавати. Прочее, понеже Сынъ Божий и Слово, якоже сказано бысть и еще проходящимъ явитсе чистѣйше, прѣжде всѣхъ вѣкъ бѣ, прочее и прѣжде Авраама бѣ, обаче не яко чловѣкъ — сѣ еже въ прѣждныхъ словесехъ недоумѣнно тебѣ и лѣжа нѣкаа в'сѣмъ паче невѣрно непщевасе, — нъ яко Богъ сѣ, еже не вѣси. //

л. 224 об.

Еще ни же оному почюдисе еже рѣхъ, яко от самого Адамова зданиа вьчловѣчениа Христова проображаемо бѣ таин'ство и отцемъ, и пророкомъ, и многымъ инѣмъ: якоже солнце, еще тмѣ сущи гльбоцѣ, не напрасно приходить очесемъ, нъ прѣвѣ убо, еже къ концу нощи, тънко нѣкако просвѣщаетъ, таже множае озари въздухъ, и по-малѣ паки, прѣвѣзъшѣдъ уставляющаго, свѣт'лѣ юже и извѣстно в'сѣмъ показуется, тѣмъ же убо образомъ и Божие Слово, чловѣчьскому естъству вѣды немощъ и яко не възможетъ еже тогова сьмотреннаго словеса чистѣ вьнезаапу навькнути, помалу и гадан'мы и образы являше сьмотрение.

К с е н ь: Не убо кто, о цару, аще и зѣло лѣжелюбивъ будетъ, рещи нѣкогда приведенъ будетъ, яко не въ годъ тебѣ вса речена быти и великому чюдеси. Обаче нужда убо в'сакъ помысль извѣстнѣ тебѣ открити. Инаа убо и приемлю добрѣ и вѣровахъ, от Писаниа вѣды. А еже образа, еже от сихъ прѣдложи, дивно нѣчто мнѣ мнитсе и не имамъ вѣровати удобнѣ.

Ц а р ь: Зѣло сѣ истинно рекль еси, яко дивно нѣчто есть, и паче причещающимъсѣ уму, и толико же множае, елико и в'са//кого слова чловѣчьска, и естъства в'сакого избѣже.

л. 225

Выпрашати же те хочу: убо ли мниши Бога чловѣчьскимъ гласомъ къ еже бесѣдовати потрѣбовати, нозѣ же къ хождениу, и руцѣ къ осезаниу, или сѣ убо никакоже речеши ни же помыслиши от сихъ ничесоже? Разумѣти же пророку речеши руцѣ убо овогда бо съдѣльную силу, — егда «Руцѣ твои, — глаголетъ, — сътвориста ме и сьздаста мѣ», — когда же паки еже о всѣхъ данное промышление, — егда «Отврѣзаеши, — глаголетъ, — руку свою и насыщаеши в'сако животно благоволения» и егда паки «Приклони, — глаголетъ, — Господи, ухо твое и услыши ме», — благопослушна и прѣкланяющасѣ молбамъ Бога молити быти, якоже убо и самъ Богъ Исаи глаголати сътвори: «Пост и празность, и новомѣсечиа, и празники ненавидитъ душа моя, бысте ми въ сытость. Не кому оставлю грѣхы ваше. Егда прострете руки ваше къ мнѣ, отвращу очи мое от вас; и аще умножите молбу, не услышу вас». Кое убо прибыти что Богови от вѣществныхъ сихъ и тѣлесныхъ речеши честий, или ничто же?

К с е н ь: Ктѣ когда въ толико прииде неистов'ство, якоже и въ умѣ вьсма имѣти сиа суетнаа!

// Ц а р ь: Если убо мысль нѣкаа выш'ша писмене?

л. 225 об.

К с е н ь: Зѣло же.

Ц а р ь: Прочее, аще ничто же от сихъ молиши непщевати, добрѣ же ты творе и зѣло разумѣ, вьмѣняй ни же оно, еже «по образу» реченное намъ иносказаемо, прѣлѣсть быти и слово инако изьобрѣтаемо.

К с е н ь: Азъ же убо рѣхъ, о цару, яко не зѣло убо повинуюсѣ, аще не инѣми указан'мы знаемо мнѣ и явленнѣйше сѣ положиши.

Ц а р ь: От вѣщй убо, о Ксеню, овѣмъ убо словесно и указателно прѣдставление трѣбуеть, овѣ же вѣрою единою приемлемъ, и увѣраемсѣ не инако убо имѣти. Сутъ же, яже и ниединого указаниа трѣбуютъ, нъ доволно бысть и тъкмо истинное чювьство прѣдставити. Иже убо не единѣмъ образомъ сихъ, ни же двѣма, нъ в'сѣмъ явѣ указано бысть, иже кто сѣ не приемлетъ, что когда убо таковѣ быти тебѣ мнитсе: еда не буй, паче же вьсма несмыслѣнь?

К с е н ь: Не убо когда инако азъ реку. Иже бо еже чювьствомъ и словесмы, и вѣщ'мы прѣдставление, и истиннаа вѣра явѣ прѣдставляеть,

ничто же оставлю еже мнѣтисе безум'нь, аще не приель бых. Яко убо
л. 226 не късни явленнѣ еже хо//щеши мнѣ прѣдставляе.

Коньць еже на иудеох третиему слову.

Венская королевская библиотека, Слав., № 34.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ СЛОВО ТРЕТЬЕ¹

И м п е р а т о р: Знай, Ксен, что ты вызываешь лидийца на равнину.² Следует тебе, однако же, понять, что о природе Троицы никто не только из людей, но из херувимов и серафимов вообще ничего не знает. Как очень мудро сказал один человек, Бога трудно помыслить, выразить же в словах невозможно.³ Поскольку же я обещал тебе сказать, насколько это в моих силах, о вочеловечении Сына Божия, то, когда буду об этом говорить, тогда и о божественном Духе по возможности с тобой побеседую. Много здесь такого, о чем трудно вести речь, а еще больше вовсе невыразимого. Об Отце же излишне было бы рассуждать: хоть и неправильно понимая, Богом вы его все же признаете.

К с е н: Здесь вновь, царь, возникает некое иное почти нестерпимое недоумение, о котором я и раньше говорил: едва ли кто-нибудь скажет, что вы, живущие как язычники, или какие бы то ни было другие люди почитаете Бога надлежащим образом, а не мы, дети Авраама, Исаака и Иакова, ученики Моисея и хранители Закона.

И м п е р а т о р: И это, Ксен, наряду с прочим я хорошо разъясню тебе с Божьей помощью. А теперь хочу напомнить тебе, что вы с твердой уверенностью называете себя израилитами. Нас же ты обвинил в том, что мы гордимся чужими именами, ибо так называем себя. Я скажу тебе больше, чем того требует соперничество из-за имени.

«Израиль» означает «ум, зрящий Бога», значит, с полным правом Израилем могут называться те, кто умственными очами благочестиво созерцает Бога. Мы якобы несправедливо называемся израилитами наравне с вами, детьми Иакова, который был назван также и Израилем (Бытие, 32, 28), поскольку не от него выводим свой род, и тем более Израилем. Но я бы уверенно сказал, что вы утратили это имя с тех пор, как разгневали на себя Бога, отступили от него и были им оставлены из-за нечестия вашего и той великой дерзости с крестом против Сына Божия, всемирного Спасителя, на которую вы отважились. Ему, однако же, подобало пострадать плотью ради всеобщего спасения, и он пострадал. Жалкие же и достойные слез, ибо будучи умом, зрящим Бога, вы затемнили и омрачили свой ум следом за первым тем отступником, дьяволом, израилитами вы, как я сказал, называться, пожалуй, можете, но никак не Израилем. Нам же, детям — в этом твой упрек — идолопоклонников, по справедливости можно сказать, подобает и быть им и называться, а также «уделом наследования» (Второзак., 32, 9) Богу, святыми и наследниками царства Божия, потому что благодаря вере во Христа и омовению пакибытия (Титу, 3, 5), т. е. божественному крещению, мы стали умом, взирающим на Бога, стать каковы и тебя вновь молю и часто молил бы, чтобы открылись твои душевные очи и ты получил бы от Бога настоящее знание истины.

Поскольку же я обратился к тебе с мольбой возвратиться в прежнее достоинство, справедливо было бы, думаю, объяснить тебе и смысл мольбы. Ведь некие бóльшие и более совершенные блага, чем твои великие пра-

¹ За проверку и правку этого перевода, сделанного с учетом греческого оригинала, сердечно благодарю А. И. Зайцева.

² Поговорка «вызываешь лидийца на равнину» означает 'вызываешь противника на удобное для него поле'. Славянский переводчик вместо λιβόν — 'лидийца' перевел λίθον 'камень'.

³ Имеются в виду слова Платона в «Тимее».

родители, которыми ты хвалишься, придут тебе, если ты послушаешь меня и примешь омовение пакибытия. Те, хотя велики и были умом, зрящим Бога, еще не имели совершенного знания о Христе. Хотя, можно сказать, при жизни они его проповедовали, хотя и не совершенно и не чисто, а умерев, благодаря ему или, скорее, от него надеялись получить для своих душ свободу от ада. Но, как я сказал, они были велики, будучи еще несовершенны, испытывая нужду в знании. Потому ведь и Христос говорил своим ученикам: «Многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали» (Лука, 10, 24). И не только те были несовершенны, но и сами ученики Спасителя, ежедневно с ним бывшие и непрерывным учением возводившиеся и изменявшиеся к лучшему, — даже они до страдания и смерти их учителя Христа не имели совершенного знания. А после этого, я имею в виду — страсти и воскресения, на них сошел божественный и пресвятой Дух и наставил их в сверхъестественном и совершенном знании. Каковым разумом обогатившись при жизни, если кто-нибудь захочет потянуться к тому, который люди воспримут при втором пришествии Христовом, с избытком получит его больше. А ведь сами получившие свободу в аду божественные отцы, даже они, видевшие низвержение дьявольской тирании, совершенного знания не получили.

Я это тебе рассказал, чтобы ты понял, что у тебя будут большие блага, нежели у тех, кто следует за отцами, если ты станешь последователем апостольского учения и знания, которому, как сказано, свойственно совершенство.

К с е н: Больше всего из того, что ты, царь, использовал в своем слове, затронуло меня сказанное о кресте. Кажется совершенной нелепостью, более других невероятной, что то, что было придумано, чтобы губить людей, для величайшего и, я бы сказал, постыднейшего из наказаний, оказалось для многих других людей и для самого Иисуса, которого вы именуете Христом-Мессией, некоей причиной жизни непрерывной, как вы говорите, а кое для кого и совершенного знания.

И м п е р а т о р: Хоть и обещал я тебе, Ксен, в свое время ясными словами рассказать о вочеловечении Христа, но еще время мне не кажется подходящим. Когда же до этого дойдет речь, тогда и о том, о чем ты спрашиваешь, я обязательно поговорю.

А сейчас, думаю, хорошо будет немного разобраться с опресноками. Как ты помнишь, ты обвинил нас и в том, что вопреки преданию боговидца Моисея мы не едим их и не считаемся с этим так же, как с субботами и постами, совершенно ниспровергая тем самым данный Богом Закон. О постах неразумно будет искать что-либо, помимо Исайи, он же сказал: «Так говорит Господь: взывай громко, не удерживайся; возвысь голос твой подобно трубе и укажи народу моему на грехи его, и дому Иаковлеву на беззакония его. Они день ото дня ищут меня и хотят знать пути мои, как бы народ, поступающий праведно и не оставляющий суда Бога своего; они вопрошают меня о суде праведном и желают приближения к Богу, говоря: Мы постились, а ты не видишь, смирили души свои, а ты не знаешь. Но ведь в дни постов ваших вы стараетесь исполнять желания ваши и всех подвластных вам уязвляете. Если вы поститесь во время ссор и распрей, бия кулаками смиренных, для чего вы поститесь: чтобы голос ваш был услышан сегодня в крике? Не такой пост я избрал, а день, в который томит человек душу свою. Если не преклонишь, как под ярмом, шею свою и не подстелешь под себя рубище и пепел, то не называйте это постом и днем, ⁴угодным Господу. Не такой пост я избрал, говорит Господь, но: разорви всякую несправедливую связь, развяжи узлы хищнических сделок, отпусти угнетенных на свободу и всякий несправедливый документ разорви; раздели с голодным хлеб твой и скитающихся бедных введи в дом свой; когда увидишь нагого, одень его и единокровного твоего не презри. Тогда рано вспыхнет свет твой. и одежды твои скоро воссияют, и пойдет

пред тобою правда твоя, и слава Божия покроет тебя. Тогда ты воззовешь, и Бог услышит тебя; ты еще будешь говорить, а он скажет: Вот я пришел. И если ты отвергнешь связь, рукоприкладство, слово ропота, дашь голодному хлеб от души твоей и наполнишь душу смирением, тогда воссияет во тьме свет твой и тьма твоя будет, как полдень; и будет Бог с тобою всегда» (Исайя, 58, 1—11).

Видишь, каков ответ Божий на твое обвинение против нас, что мы не соблюдаем ваши посты, — и что не просто, но с гневом отвергает он их и гнушается ими и говорит, что любит другой вид поста — как раз тот, которому учит Евангелие, то есть любовь, милость, оставление долгов и прочее, что он перечислил по порядку и назвал благой жертвой, угодной Богу? Таким постом научены посылаться христиане и такие приятные Богу жертвы приносить, а не ваши ненавистные Богу, как говорит Исайя (1, 11—14), и Богом отверженные. Бог ведь не придает значения самому названию поста, но проверяет, правильно ли он выполняется. Ибо часто одно и то же происходит по разным причинам и судится Богом не одинаково. Скажем например, три отрока в Вавилоне (Даниил, 1), а если хочешь, и Маккавеи (2 Макк., 1) были мучимы. Но ведь никого из многого множества человекоубийц и прочих злодеев мы не поносим и не принимаем за одно только то, что люди мучились. Только делаемый каждым человеком выбор мы либо порицаем, либо хвалим: за свойственное одним злонравие и за свойственные другим мужество и твердость в соблюдении отеческих законов. Соответственно этому вашим постам не подобает называться божественными, поскольку Бог через пророка ясно сказал, что они ему в высшей степени отвратительны и он отворачивается от них. Кто же настолько наивен, чтобы любить то, от чего Бог отворачивается?

Я бы стал напрасно тратить время, говоря еще и о праздниках и субботах, потому что вместе с другими вопросами, касающимися Закона, мы решили и эти. А ты утверждал, что нет иного пути быть благочестивым, как соблюдать их согласно преданию Моисея. Такое расположение и превратное представление о вере христиан ни от чего другого у вас происходит, как от нежелания возвыситься до смысла слов и дел и от приверженности голой букве. Ведь соблюдение заповеденной вам Законодателем, т. е. Богом, праздности не есть соблюдение веры. Если бы это было так, никогда никаких отступлений от нее не допускалось бы. Однако же отвязать от яслей вола и осла в день субботний и отвести напоить (Лука, 13, 15), наклониться и вытащить что-нибудь, упавшее в колодезь или в ров (Лука, 14, 5), да и обрезать (Иоанн, 7, 22), если на субботу придется восьмой от рождения день жизни новорожденного, Закон вам повелевает. Если бы в этом, как мы сказали, состояли догмат и соблюдение веры, как же бы это отчасти соблюдалось, отчасти же нарушалось? Сказать это невозможно. Праздность была вам заповедана Законом вот почему: во-первых, чтобы у ваших подъяремных животных и у рабов бывал некоторый отдых и перерыв в постоянных трудах и они окрепшими возвращались к работе; а во-вторых, чтобы каждый из вас вместе с женщинами и детьми по примеру Бога, который, как сказано, в седьмой день почил от дел своих (Бытие, 2, 2), соблюдал покой в день субботний, обращался к гимнам в честь Бога и помышлял о страшном восьмом дне, дне грядущего суда. И еще одно есть соображение относительно субботы, такое: раз свету мира, Христу, предстояло в субботний день лежать в гробе мертвым, подобало и вам в этот день поневоле соблюдать полную праздность. А вы, ничего из этого не принимая в расчет, столь безрассудно и неразумно обожествили субботний покой и гордитесь, что ни в чем, как вам кажется, не отступили от Моисеевых законоположений. Что и говорить о ваших праздниках, если только вообще можно назвать праздниками то, что установлено вами! Очень смешно, что, когда другие их не соблюдают, вы считаете, что они преступают Закон, больше всех имея опыт в этом сами.

К с е н: Не знаю как кого другого, царь, но меня тебе никак в этом

не убедить; я лишь с большей силой возражу тебе, что это невозможно, чтобы люди, соблюдающие заповеданные Богом праздники, посты и прочее, оказались преступающими Закон, а те, кто об этом и не думает, плюет на это и смеется над теми, кто его чтит, поступали по Закону, были правыми и не отступающими от благочестия.

И м п е р а т о р: Недавно я сказал, что, имея разум, надо смотреть на поступки людей не поверхностно, но принимая во внимание их намерения. При взгляде с этой точки зрения ваши посты, праздники и субботы выглядят распущеннее и сквернее всякого пьянства. Взгляни и ты, и я удивлюсь, если тебе не откроется беззаконие происходящего.

Бог повелел приносить жертвы и прочее совершать в Иерусалиме и не иначе как в храме; потому-то отцы ваши и не поддались никаким убеждениям и не согласились воспеть песнь, когда вавилоняне вели их в плен, а отказавшись, сказали: «Как нам петь песнь Господню в земле чужой?» (Пс., 136, 4). В отличие от них вы не только не отказались от пения, но и совершаете беззаконные праздники и посты. Самое непостижимое из этого то, что вы нас обвиняете в неблагочестии из-за того, что мы не восхваляем совершаемое вами, а особенно за то, что мы сами так не поступаем. Если хочешь знать, как Бог принимает ваши жертвы, послушай, что говорит о них Исайя: «К чему мне множество жертв? — говорит Господь. — Я пресыщен всесожжениями овнов и туком ягнят и крови тельцов и козлов не хочу. Не приходите и не являйтесь предо мной. Кому нужно это из рук ваших? Не продолжайте топтать двор мой. Если приносите крупчатку, понапрасну. Курение отвратительно для меня. Новомесечия ваши, и субботы, и великий день не могу терпеть. Посты, праздность, новомесечия ваши и праздники ненавидит душа моя, я ими пресыщен. Больше не буду терпеть грехи ваши. Когда возденете руки ваши ко мне, отвращу очи мои от вас; и если умножите моление, не услышу вас, ибо руки ваши полны крови» (ср.: Исайя, 1, 11—15). Вот что Бог говорит о ваших жертвах, субботах и праздниках и сколь определенно повелевает их ненавидеть и прекратить.

Ну, пора разобраться в том, каков смысл повеления об опресноках и какая в связанных с ними законоположениях заключена мысль, которой вы никакого значения никогда не придавали, сочтя достаточной для благочестия только букву.

Ты, конечно, знаешь, что в течение всего года вы едите хлеб, а во время пасхи на семь дней из всякого дома хлеб убирается, и все у вас едят опресноки, как то повелевает буква Закона. Когда же эти семь дней проходят, все снова едят квасной хлеб. На что же, можно сказать, указывает перемена употребляемого хлеба? При внимательном рассмотрении ясно, что не на что иное, как на упразднение Ветхого Завета и начало Новой Благодати, которую Бог через пророков обещал дать народам.

А что можно сказать о значении обрезания? Неужели это догмат веры? Нет ведь. Что же? Знак, своего рода оттиск чего-то, сделанный с неким смыслом. Будь это, как вы полагаете, догматом веры, не вызывали бы восхищения и не воспевались бы до сих пор жившие до потопа и угодившие Богу люди, и бывшие и почитающиеся святыми, как то засвидетельствованные Богом праведники Авель и Енох и многие другие, самый первый из которых Адам, а также после потопа — Ной, Иов, Мехлиседек и многие другие. И Авраам, когда уверовал и вменилась, как написано (Бытие, 15, 6), вера его в праведность и он стал другом Божиим и получил по дружбе милость стать отцом многих народов и иметь в наследие подсолнечную, был ли он тогда обрезан, или же необрезан?

К с е н: Известно, что необрезан.

И м п е р а т о р: Значит, не в том заключается благочестие, чтобы обрезываться. Если бы, как сказано, в этом состоял самый смысл веры, не были бы люди, жившие до Авраама, и сам он до тех пор, пока не обрезал крайнюю плоть, святыми и друзьями Божьими. Так что нечто иное

через это предусматривалось. Поскольку по известным Богу причинам — а ум Господень никто не знает (Римлянам, 11, 34) — потомкам Авраама предстояло четыреста лет рабствовать в Египте (Исход, 12, 40), а затем оттуда с рукой высокой и великой силой выйти, избавившись от тяжелейшего рабства, Аврааму, а через него всем его потомкам было дано от Бога обрезание (Бытие, 17, 10—13), чтобы во время пребывания на чужбине они отличались от египтян, как некие меченые овцы, а когда должны будут уйти, легко и как можно более безболезненно от необрезанных египтян отделились. Не будь у них тогда такого знака, ни другие их по простецки чрезвычайно большого времени от себя не отличали бы, ни, мне кажется, они себя от других. А потому им и нелегко было бы уйти, столь трудно-отличимым.

Еще одно свидетельство тебе того, что обрезание — не догмат веры, тот факт, что женщины не обрезаются. Ты ведь не скажешь, что Бог хотел, чтобы мужчины были благочестивы, а женщины нет.

Самое же ясное доказательство моей правоты то, что, когда евреи вышли из Египта, в течение сорока лет их пути через пустыню ни один из них не был обрезан. А когда они собирались силой кивота, как я ранее сказал, перейти Иордан, Иисус Навин по Божьему повелению всех снова обрезал (Иис. Навин, 5, 2—8), чтобы обрезание было неким знаком этого народа и отличало его от иноплеменных народов, с которым ему предстояло смешаться. Так что первой причиной повеления обрезать было пребывание ваших предков в Египте, а второй — смешение с иноплеменниками из близлежащих мест после перехода через Иордан.

Но есть еще некая причина сверх этих: поскольку предстояло Христу быть распятым ими по плоти, а им из-за крайней степени дерзости впасть в жестокие беды, городу их совершенно погибнуть, а оказавшемуся в изгнании народу стать всем подвластным и повсюду рассеянным, предусматривалось, что благодаря обрезанию они будут всем заметны и отовсюду как скверна гонимы, что и можно видеть, как ты хорошо знаешь.

А о том, что Богу мало нужно было такое обрезание, послушай слова Моисея, сказанные в те дни: «Итак, обрежьте крайнюю плоть сердца вашего и не будьте впредь жестоковольны; ибо Господь Бог ваш есть Бог богов и Владыка владык» (Второзаконие, 10, 16—17). И Иеремия говорит: «Распахните себе целину и не сейте в тернии. Обрежьте себя для Господа и снимите крайнюю плоть с сердца вашего» (Иеремия, 4, 3—4). Не одни только Моисей и Иеремия, но и многие другие пророки думали, что истинное и угодное Богу обрезание — это оставление зол, отогнание от сердца злопамятства, зависти и тому подобного. Ведь изгнавший и отринувший от души таковое поистине обрезан. Ибо Бог не создал в нашем теле ничего лишнего, бесполезного или скверного, отрезав что и отбросив мы могли бы думать, что хорошо поступили, но все там «очень хорошо» (Бытие, 1, 31), и одно соединено с другим, и все доведено до взаимного соответствия с целью совершенства и красоты, и лишнего среди этого нет ничего. А вот сообщающиеся нашим душам извне от невнимательности прегрешения и устремления ко злу — их-то Бог через пророков и повелевает нам обрезать и говорит, что такое обрезание ему приятно. Если же кто-нибудь плотью обрежется, устремлений же души ко злу, всячески пресекая, не подавит, то такое обрезание, как ты слышал, пророки ясно называют тщетным. Послушай-ка, что Бог говорит в книге Левит: «Преступили и презрели меня, и ходили предо мной с хитростью, и я ходил с ними с хитростью, и погублю их в земле врагов их; тогда покорится необрезанное сердце их» (ср.: Левит, 26, 40—41). Вот что говорится о том, в отсутствии чего ты неким образом обвиняешь нас, говоря, что мы необрезанные и не соблюдаем субботы, праздники и прочее.

А поскольку, как мне кажется, об этом сказано достаточно, пора уже, как обещано, коснуться и темы воплощения Христова. Тебе же следует не как-нибудь и между прочим, а усердно и серьезно и по возможности

как бы очищенными мыслью и слухом воспринять речи на столь важную тему. И кстати было бы то, что знаешь, добавить к тому, чего не ведаешь, — для ясности смысла. Слушай же.

Бог, захотев все это — то есть всю умственную и чувственную тварь — создать из не-сущего, прежде всего сотворил ангельские чины, т. е. престолы, херувимов, серафимов, господства, силы, власти, начала, архангелов и ангелов, — то ли в виде огня невестественного и бестелесного, то ли в виде какой-то другой природы — но представлять себе их нужно как можно ближе к поименованному. Один же из главных среди этих чинов, увидев, как он красив, сколь он светел, прекрасен и нематериально-бестелесен, как то и подобает ангельскому естеству, не на добро воспользовался данными ему благами и свободой воли и неразумно восстал против создавшего его Бога и, надувшись суетной и легкомысленной гордыней, возвысил на небо язык свой и похулил сотворившего его Бога. «Поставлю, — сказал он, — престол мой на облаках и буду подобен Всевышнему» (Исайя, 14, 13—14). И тут же святой денница, бывший единственным согражданином прочих ангелов, оказался чужд их неизреченной красоты и радостнейшего пребывания и стал тьмой вместо света, грешным вместо святого, умом заблуждающимся вместо ума ангельского.

Пропуская середину, т. е. сотворение неба, земли и того, что на них, ибо распространяться об этом нет никакого смысла, мы видим, что Моисей говорит, что Бог насадил на востоке рай (Бытие, 2, 8), а человека, который возделывал бы его, не было. И потому, пожелав разом и завершить сотворение высшего мира и создать возделывателя этого необычайного сада, Бог сказал: «Сотворим человека по образу нашему и по подобию» (Бытие, 1, 26). Так вот, посмотрим, кому Бог сказал «сотворим человека». Ведь это слово «сотворим» свидетельствует о наличии некоего единства воли, и Писание изображает дело так, что Бог с кем-то беседует. Будем ли говорить, что Бог сказал это ангелам? Но это невозможно: кому-то подобному себе Бог сказал «сотворим человека»; ангел же даже невозможно сказать, насколько ниже божественной высоты. Но, может, кто-нибудь станет говорить, что Бог самому себе сказал «сотворим»? Но и это весьма бессмысленно. Ведь слово «сотворим» свидетельствует о наличии не одного лица. Получается, что Бог сказал это своему Сыну, единственному существующему неотличимому от него образу, обращаясь к которому он и после падения Адама сказал, как будто иронизируя: «Вот, Адам стал как один из нас» (Бытие, 3, 22), т. е. стал богом.

Слыша, что у Бога есть Сын, не опустишь до каких-нибудь телесных представлений, вообразив его рождение по образцу телесных и плотских существ. Если ты дерзнешь так низменно и пошло рассуждать о Боге, ты можешь быстро счесть всех, кто с тобой об этом говорит, безбожниками и нечестивцами. Если это случится, то причиной твоего заблуждения непременно будет то, что, читая, ты не видишь глубинного смысла Писания.

К с е н: О каком Писании ты говоришь, что я, изучая его, не понимаю истинного его значения: о Моисеевом Пятикнижии, о книгах пророков, о песнях Давида, или о ваших книгах, которые вы не боитесь называть и святыми?

И м п е р а т о р: Сейчас я сказал о Ветхом Завете. Но и о Новом можно сказать то же, не уклонившись от истины. Ибо между ними нет никакого противоречия.

К с е н: Если ты скажешь, что я не знаю этих ваших новых книг, то я нисколько не буду противоречить. Что же касается других, то есть Ветхих, наставником и учителем в которых является для нас Моисей, то далеко от истины говорить, что я их вовсе не знаю: хоть и не в совершенстве я их изучил и постиг, однако же и не вовсе в них несведущ и невежествен.

И м п е р а т о р: Чуть раньше я сказал тебе, что, слыша о рождении у Бога, не надо смущаться никакими неподобающими телесными образами

рождения, но то надо взять в ум, что Бог как человеческими представлениями непостижим, так и не человеческим путем рождает. В то, что Бог рождает, верят, а вот как — это непостижимо. И мы научены, что у него есть Сын, предвечный и собезначальный ему. А как он его родил, это не только существам смертной и материальной природы, но, как я сказал, и первейшим из ангелов совершенно недоступно. Одной лишь верой мы принимаем все это и исповедуем. Да и без всяких слов так или иначе ты знаешь, что средствами разума и естества невозможно разобраться в том, что превосходит естество и разум; неизреченное можно лишь почтить молчанием. Ну, помню ли я что-нибудь из этого, или тебе кажется, что забыл?

К с е н: Да, помнишь.

И м п е р а т о р: Итак, раз мы согласны, что Бога трудно помыслить, в словах же выразить совсем невозможно, не будет ли сверхъестественным безрассудством много размышлять о Божьем рождении? Всякий согласится, что таковое следует чтить молчанием. Только вера может таковое почтить и убедиться, что это так, а не иначе. Ведь вера — это знание без доказательств. А раз это знание бездоказательно, то сверхъестественна и связь, которая неведомым образом, а не путем доказательства соединяет нас с Богом превосходящим разум соединением. Поскольку же ни один из способов доказательства не соединяет нас с Богом, но только вера, как может быть чем-то познаваемым то, как Бог родил своего Сына? Если же прибегать к языку образов, то можно сказать, что Бог родил своего Сына, как ум рождает слово; имеется в виду — не произносимое и испускаемое в воздух слово, но соответствующее его природе. Но и это уподобление дает довольно смутное представление, лишь отчасти, а не всецело разъясняя образ этого рождения. Только такую помощь в рассуждениях о Боге способны дать образы, почерпнутые из мира твари. Вот мы и говорим так: Бог рождает своего Сына, как ум слово и как солнце свое сияние, являющееся светом от света. Поскольку все рождаемое по необходимости подобно рождающему — человек ведь рождает единосущного себе человека, конь — коня, подобным же образом и маслина, а также и прочие растения и животные, — то и Бог также: без страданий вневременно, прежде всех веков он родил единосущного себе Сына. Потому он и Сын, что единосущен. Дальше я скажу об этом подробнее. Если же это тебе представляется тягостным — называть Сыном Божиим сошедшего с небес для спасения людей, называй его светом от света, единосущным Богу и сопрестольным, отцом веков, по Исае (ср.: Исайя, 9, 6), объектом поклонения ангелов. Сыном же Божиим если не хочешь его называть, мы уступим. Но вернемся к сказанному выше: раз Бог не самому себе сказал «сотворим человека» и не ангелам, по причине, которую мы назвали, значит, он сказал «сотворим человека по образу нашему и по подобию», обращаясь к своему Сыну и Слову.

Тело человека Бог создал, взяв прах с земли, как написано, душу же вложил в него от себя вдуновением. А после этого он взял одно из его ребер, наполнил его, и возникла Ева — чтобы все происходили от одного начала, от Адама, а не от двух, от Адама и Евы. Затем Бог поселил их в раю и дал им закон, я имею в виду заповедь, позволяющую есть плоды всех деревьев в раю, кроме дерева познания добра и зла (Бытие, 2, 16—17). Дьявол позавидовал таковой их чести, но к Адаму не приблизился как к более твердому, а подошел к Еве и дал ей пагубнейший из советов. По слабости прельстившись, поверив обману и прикоснувшись к запретной пище, она оказалась причиной того величайшего падения Адама. Съев же то, что было приказано не есть, они осознали свою наготу. И когда Бог вечером гулял по раю, Адам и Ева, говорит *Моисей*, поняв, что они наги, скрылись от него. А Бог, чтобы напомнить Адаму его преступление и тем самым понемногу привести его к покаянию, обратился к нему: «Адам, где ты?», — показывая ему этим величие чести, которую тот поте-

рял, а также подводя его тем самым, как мы сказали, к покаянию. Тот же, не умея путем смирения возвышать себя, объявил себя невиновным, а вину возложил, как следует из его слов, чуть ли не на Бога, указав на жену. И за то, что он оправдывался ее прельщением, он был изгнан вместе с нею из рая. Будучи же лишены божественной благодати и дара нетления, бессмертия и исполненности всяческими благами, они облеклись в одежды из кожи, в эту грубую и неподатливую смертную плоть (Бытие, 3, 1—24).

Если же тебе кажется, что мы мало что тут узнали, обратим тогда внимание на слова Бога о сотворении человека по образу своему, а также на слова Писания о том, что Бог вечером гулял по раю.

Все мы созданы по образу Божию и по подобию. Но, преступив божественную заповедь, мы утратили подобие, сохранив лишь второе, образ, — все люди вообще, и дурные, и хорошие. Но подобие вновь воспринимается теми, кто усердно об этом заботится.

Образ же Божий в нас обнаруживается не в чем-то одном, но во многом: это и то, что человек является господином всех существ, живущих на земле, в воде и в воздухе; и то, что, будучи созданы нетленными бессмертными, мы вновь станем такими по воскресении. О сказанном Христом в Евангелиях, что если мы имеем совершенную веру и скажем горе «перейди», то она послушает (Матфей, 17, 20), не стану тебе говорить, поскольку в таковое ты вовсе не посвящен. Но то, что делали Иисус Навин и Фесвитянин-пророк, каким тебе представляется? Один остановил по своей воле непрерывный бег солнца (Иис. Навин, 10, 12—13), а другой целых три года истощал засухой землю (3 Царств., 17), так же легко держа замкнутым небо, как если бы кто накрыл крышкой и запечатал устье колодца. Это по силам ведь одному Богу и тому, кто создан по его образцу. Старательно поискав, помимо этих отражений в нас образа Божия, можно найти и многие другие, важнейшим из которых и первым среди прочих является, на мой взгляд, такое.

Мы знаем, что это наше тело, будучи создано Богом из земли, было бездыханным, безжизненным и неподвижным, а когда с ним соединилась данная ему Богом умная и словесная душа, оно оказалось одушевленным, живым и движущимся, знаем, что сошлись телесная и душевная природы, способ же, каким нематериальное и бестелесное соединяется с материальным и обретает плоть, бессмертное по природе со смертным по природе, — этого никто никогда еще не постиг, как и того, почему одно из них подвержено страданию, делению и рассечению, а другое этому неподвластно, пребывая бесстрастным, неделимым и нечленимым; и того, почему, выйдя из тела и отделившись от него, душа покидает его мертвым, а вернувшись и вновь его восприняв, сделает его живым, как и прежде, в том числе прельщенного дьяволом Адама и всех происшедших из него и из-за него павших и лежащих мертвыми, хоть и надеялись они жить. Не может ведь душа, уклонившись к служению идолам и глухим истуканам, жить без помощи Божией. Во всем и выше всего пребывающий однородный Сын Божий, преклонив, по благоволению Отца, небеса, сойдя и восприняв плоть, восстановил и самого Адама, и всех людей и возвысил нашу униженную природу. Соединившись с нашей плотью и став единой и неслиянной с ней ипостасью, причем ни божественность нисколько пристрастием к материи не заразилась, но продолжала пребывать в своем величии, ни тварная природа в нетварную не обратилась, но все это, чем было, тем и осталось, — восстановив таким образом человеческую природу и утвердив ее в древнем достоинстве, он низверг и победил дьявола. Однако же, — не как Бог, ибо это было бы неудивительно, но как человек, — чтобы тот оставил того, кого он прежде обманул, будучи им низвержен, что более ясно будет показано в следующем слове.

Итак, как мы сказали, первым было создано тело, а затем душа, и подобно этому, когда Адам был обманут и стал мертв, неподвижен и бесплоден в отношении добра, Божье Слово, умиловившись, в последние

времена восприняло плоть и пожило с нами, людьми. На это и указывают слова божественного Писания о том, как Бог вечером гулял по раю, а Адам услышал голос его и скрылся, будучи наг: это предзнаменует божественное воплощение Божия Слова: поскольку последняя часть дня называется вечером, Писание называет вечером последнюю часть нынешнего века, говоря при этом о Боге как о плотоносце, гуляющем по раю, т.е. по земле, ибо на ней ведь рай.

Слышал, Ксен, почему образ Божий столь чудесен и несравнимо выше всего вышеназванного? Не удивляйся теперь тому, что я назвал соединение состоящего из праха тела Адама с умной душой образом соединения материальной и тленной природы с нематериальной и бессмертной божественностью. Это таинство предшествующего всем векам божественного замысла, недоступного всем ангелам и людям, начало в прообразах раскрываться начиная с создания Адама. А поскольку Сын и Слово Божие был, как уже сказано и как в дальнейшем будет более ясно показано, прежде всех веков, значит, он был прежде и Авраама, однако же не как человек, — это ведь повергало тебя ранее в нашем разговоре в недоумение, представляясь невероятнейшей из небылиц, — но как Бог, чего ты не знал.

И тому еще не удивляйся, что я сказал, что от самого сотворения Адама мистерия вочеловечения Христа раскрывалась в прообразах праотцам, пророкам и многим другим: как солнце не внезапно ведь из глубокой тьмы предстает очам, но сначала, ближе к концу ночи, посылает слабый свет, затем сильнее освещает воздух, а спустя еще небольшое время, выйдя из-за горизонта, показывается всем уже ясно и бесспорно, так же и Божье Слово, зная немощь человеческого естества и его неспособность сразу ясно понять цель его замысла, понемногу через загадки и символы обнаруживало свой замысел.

К с е н: Даже великий лжец, если такой отыщется, не признает, царь, что все, что ты сказал, нестати и недостойно величайшего удивления. Но надо открыть тебе все, что вызывает сомнение. Остальное я воспринял хорошо и, зная это из Писания, верю тому. Что же касается образа, который ты оттуда выводил, то это мне кажется чем-то странным, во что трудно поверить.

И м п е р а т о р: Ты совершенно верно назвал это чем-то странным, особенно же это странно для тех, кто причастен уму, ибо это за пределами всякого человеческого слова и всякой природы.

Хочу тебя спросить: считаешь ли ты, что Бог нуждается в человеческом голосе, чтобы говорить, в ногах, чтобы ходить, и в руках, чтобы осознать, или скажешь, что это не так и что ты не воображаешь ничего подобного? Не кажется ли тебе, что под руками пророк понимает то созидательную силу, когда говорит «руки твои сотворили меня и устроили меня» (Пс. 118, 73), то всеобъемлющий промысел, когда говорит «открываешь руку твою и насыщаешь все живое благоволением» (Пс. 144, 16), а говоря «приклони, Господи, ухо твое и услышь меня» (Пс. 85, 1), он умоляет Бога быть благочестивым и приклоняющимся к мольбам, вроде того как сам Бог побудил Исайю сказать: «Пост и праздность, новомесечия и праздники ненавидит душа моя, я пресыщен ими. Больше не оставляю грехи ваши. Когда протянете руки ваши ко мне, отвращу очи мои от вас; и если умножите мольбу, не услышу вас» (ср.: Исайя, 1, 13—15). Припишешь ли ты какую-нибудь из этих материальных частей тела Богу, или же нет?

К с е н: Кто же настолько безумен, чтобы и помыслить подобный вздор!

И м п е р а т о р: Нет ли какой-нибудь мысли, стоящей над буквой?

К с е н: Конечно, есть.

И м п е р а т о р: Ну, так хорошо будет и весьма благоразумно, если ты не станешь считать хитрой уловкой и вообще вымыслом также сказанное нами скорее аллегорически о том, что значит «по образу».

К с е н: Я же сказал, царь, что не буду вполне убежден, пока ты не сделаешь этого более для меня понятным и ясным с помощью других доказательств.

И м п е р а т о р: Одно, Ксен, нуждается в логических и диалектических доказательствах, а другое мы воспринимаем только на веру, и верим, что дело обстоит именно так. Есть и то, что не требует никакого доказательства, для чего достаточно представить одно лишь истинное чувство. Так вот, если кто-нибудь не примет то, что не одним из возможных способов, не двумя, но всеми ясно обнаруживается, каким тебе такой человек покажется: не бестолковым ли, или скорее полностью неразумным?

К с е н: Я бы никогда не сказал иначе. Не прими я то, что ясно представляют и чувство, и логика, и практика, и истинная вера, ничего бы не осталось, как считать меня безумным. Так что не медли ясно представить мне что хочешь.

Конец третьего слова против иудеев.